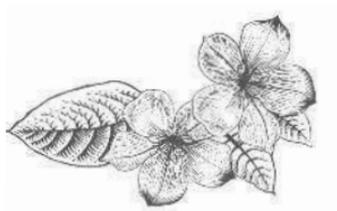

Первая
любовь

Первая любовь

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П26

Оформление серии *Г. Булгаковой*

Первая любовь : [сборник]. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 416 с. — (Все возрасты любви).

ISBN 978-5-699-82345-1

«Все возрасты любви» — единственная серия рассказов и повестей о любви, призванная отобразить все лики этого многогранного чувства — от нежной влюбленности до зрелых отношений, от губительной страсти до бескорыстной любви...

Удачлив и легок путь, если точка отправления верна. Этот сборник, первый из серии о вехах любви, посвящен пробуждению чувств — трепетному началу, определившему движение. У каждого из нас своя — сладкая или горькая — тайна взросления души. Очень разные, но всегда трогательные истории о первой любви расскажут вам произведения этой книги, вышедшие из-под пера полюбившихся авторов.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Щербакова Г., наследники, 2015
© Трауб М., 2015
© Панюшкин В., 2015
© Буйда Ю., 2015
© Метлицкая М., 2015
© Геласимов А., 2015
© Сенчин Р., 2015
© Тронина Т., 2015
© Ульянова М., 2015
© Лифшиц Г., 2015
© Резепкин О., 2015
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

ISBN 978-5-699-82345-1

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ

Победители

Тогда ей казалось, что она этого просто не переживет. Глупая, наивная девочка! Пережить пришлось еще много чего. О-го-го, сколько пришлось пережить. Потом она не раз удивлялась человеческим возможностям. А ведь ничего, и не то переживали.

Но тогда все это казалось невозможным, трагическим, непреодолимым. Катастрофой, бедой и даже горьким горем. Он улетал. Скорее всего — навсегда. Да-да, конечно, навсегда. Тогда все уезжали *навсегда*. А возможность встречи была мизерной, минимальной. Почти невозможной и невероятной. Но без веры в эту встречу вообще невозможно было бы жить.

Любовь накрыла их внезапно. Вроде знали друг друга не первый день — правда, так, ша-

почно. Привет — привет. Одна компания. У него свои дела, у нее, как водится, свои. А тут вдруг такое. Просто обвал, лавина. Торнадо, тайфун. Или смерч. Ну что там еще? Просто встретились однажды глазами, и понеслось...

До его отъезда оставалось полтора месяца. Полтора месяца до вселенской катастрофы. Полтора месяца до неизбежного одиночества. И все эти полтора месяца они ходили за руку — страшно было просто разжать ладони — и считали каждый день. Им становилось все страшнее. У него, конечно, перед отъездом куча дел. У нее — зимняя сессия. Первая. Заваляшь — вылетишь из института.

Она ждала его у всех этих бесчисленных контор, где у него был ворох бумажных предотъездных дел. Он ее — у института. Полчаса, час разлуки — и они бросались друг к другу, словно не виделись сто или двести лет. Думать о будущем было страшно. Она — та еще оптимистка. Но, конечно, об этом самом будущем говорили. О детях, например. Спорили. Она хотела двух мальчиков и девочку. Он хотел трех девчонок. Такой вот чудак. Он рассказывал ей, что у них будет светлый дом в прекрасной стране. Большой и уютный. Возле дома будет обязательно зеленая лужайка и позади густой сосновый лес.

— А цветы? — уточняла она.

— Ну, это на твое усмотрение, — соглашался он.

— А когда? — все время спрашивала она.

— Не скоро. — Он был реалистом. — Но обязательно будет. Только для этого надо пережить то, что пережить положено.

— Я смогу. — Она была уверена, что сможет. А как же иначе. Просто без всего этого жизнь обнулилась бы и вообще потеряла всякий смысл. А денечки таяли, улетали. Они еще крепче держались за руки, и казалось, не было такой силы, которая могла бы их разомкнуть.

Он улетал в понедельник.

— Я не поеду в аэропорт, — сказала она. — Не сердись и не обижайся. Просто я не смогу с тобой прощаться.

Он кивнул и согласился. Ту, последнюю, ночь они совсем не спали. Говорили, говорили без конца. Строили свой дом, красили стены, спорили, как назовут детей. Смеялись. Плакали. Любили друг друга истово, как в последний раз. Она гладила его по лицу — хотела запомнить каждую черточку, все его выпуклости и впадинки. Он ловил ее руку и прижимал к своим глазам. Потом она плакала, а он утешал ее и горячо говорил, что лучше ее нет и не будет на всем белом свете. И что у них обязательно, непременно все это сложится — и белый большой дом, и зеленая лужайка, и три девчонки с ее, и только ее, глазами.

В аэропорт она, конечно, поехала. Народу была тьма. А они стояли и опять держали друг друга за руки. И ничего не видели вокруг. А счет времени уже шел на минуты. Обь-

явили регистрацию. Она завывала в голос — по-простому, по-бабьи, и вцепилась в него. Подруга ей шепнула:

— Приди в себя. Здесь, между прочим, его мать.

Ее почти оторвали от него. Пришло время со всеми прощаться. Он обошел всех. Долго стоял молча, обнимая мать. Потом опять подошел к ней.

— Ну, держись, малыш. Ты у меня сильная. Все выдержишь. Ты точно из отряда храбрецов, да, малыш?

Она кивнула.

Он прошел таможенный досмотр. Обернулся, увидел ее глаза. И двинулся к стойке сдачи багажа. Еще пару минут — и он уйдет дальше. На паспортный контроль. И станет недосыгаем, не виден. Последний взгляд. Он поднимает два пальца.

— Victory, малыш! — кричит он и уходит. Все.

Ее кто-то обнимает за плечи, кто-то выводит на улицу и дает прикуренную сигарету.

Ах, боже мой, аэропорт!
Какое воссоединенье пауз
И слез, и чьих-то голосов,
И мысли — что теперь осталось.

Дальше — ничего не будет. Ничего, кроме ожидания писем. Бесконечного ожидания. И беготни по десять раз к почтовому ящику. Но это все будет впереди.

А пока к ней подходит его мать.

— Я подвезу тебя, садись, — предлагает она. Они садятся в видавшие виды зеленые «Жигули».

Долго молчат. А потом его мать говорит ей:

— Дурочка, ты вот думаешь сейчас, что твоя жизнь закончилась?

Она кивает.

— Глупая, у тебя столько еще впереди. Да что там — столько! У тебя все впереди. Вся жизнь. Ну не раскисай, слышишь?

Она кивает и ревет, как последняя дура.

— Господи, — качает головой его мать. — А что же мне тогда делать? Он мой единственный сын, между прочим. Мне тогда остается только застрелиться.

— Что вы понимаете? Я так люблю его, просто не представляю себе жизни без него.

— Дурочка. А обо мне ты подумала?

Она молчит. А его мать добавляет:

— Ну, родишь, поймешь. А пока — держись, девочка. Это, может быть, первое испытание в твоей жизни. Держись! И пиши ему только веселые письма. Ему там точно хуже и сложнее, чем нам.

Она почти обижается и думает, что никто, никто не может понять ее горя. Даже его умная мать.

Они потом даже подружатся, и она будет приезжать к ней в большую и мрачноватую квартиру на Смоленке, где все будет кричать о

нем — и стены, и стулья, и чашки. И на серванте будет стоять его фотография в полный рост: длинные волосы, узкие джинсы, улыбка во весь рот. Она зайдет в его комнату и с закрытыми глазами, как слепая, станет трогать его книги, письменный стол, кровать и прижмет к лицу его клетчатую рубашку, оставленную впопыхах на стуле.

А потом, конечно, будут письма. Австрия, Италия. Рим, фонтан Треви, Колизей. «Итальянки красивые, малыш, но лучше тебя нет. Помню все. Шатаюсь по городу и думаю о нас с тобой. Держись, малыш. Мы справимся, вот увидишь!»

Она обстоятельно и подробно писала ему — сессия, зачеты, экзамены. Родители. Младший брат. Все о друзьях — общих и только ее. О том, что прочла и посмотрела в кино.

Дальше была Америка — и он захлебывался от впечатлений. Он был в восторге от этой страны и опять писал ей про дом с лужайкой и про то, что они увидят весь мир, родят детей и будут счастливы всю жизнь. Непременно.

Она много плакала, очень много. Писала тревожные и наивные стихи. Редко ходила на шумные сборища. Плохо спала ночами. Похудела, осунулась — правда, это ей шло. И еще появилась какая-то загадочность во взгляде.

Один раз он позвонил ей — коротенько, буквально на две минуты. Она опешила — не ожидала. Он кричал в трубку, что по-прежнему

любит ее и что его воротит от всех баб и что лучше ее нет на свете.

«Сравнил наверняка», — усмехнулась она. Но не обиделась, нет.

А надо было уже на что-то решаться. На какие-то, между прочим, действия. А это было ох как непросто. Мать и отец, скорее всего, вылетели бы с работы. Бабушка, наверное, слегла бы и вряд ли поднялась. А младший брат? Вынянченный, выпестованный... А институт? Пятнадцать человек на место при поступлении — это так, к слову.

А он все восхищался Америкой — все гениально, все сделано и подогнано под людей. Писал, что работает в пиццерии — весь в муке, но это только начало, слышишь, малыш, только начало. Я обещаю тебе, что у нас будет то, о чем мы говорили. И ради этого я готов на все.

Она немножко оживала — так, по чуть-чуть. Годы брали свое. Нет, конечно же она любила его с прежней силой. И так же ждала писем. Но к почтовому ящику уже бегала не пятнадцать раз в день, а только вечером. Друзья тормозили, звали в компании и... Она перестала пренебрегать приглашениями. Но! Никаких романов. Никаких! Честное слово. Он тоже стал писать чуть реже. Сначала — чуть. А потом просто реже.

Она хорошо запомнила *то* письмо. Так хорошо, что несколько лет могла повторить его наизусть. Казалось бы, это было просто еще од-

но письмо, как десятки до него — в узких, голубоватых и чуть хрустких конвертах: сначала все про дела и делишки, про учебу в университете — поступил, молодец, умница просто. А потом он написал, что ей надо решить все самой, и только самой. То есть это должен быть *ее* абсолютно осознанный выбор — в смысле смены декораций всей жизни и переезда в другую страну. Он писал очень правильно, умно, тонко и осторожно. Что мы знаем друг о друге, малыш? Ведь не только пуд соли не съели сообща, но даже и крупинку. Только карамельный период, когда глаза закрыты у всех и на все. Только самые нежные слова и самые сладкие поцелуи. А жизнь, между прочим, совместная жизнь — это трудности и препоны. Справимся или нет? Кто же знает. А если не получится, ну, не сложится если... Ты должна быть готова и к этому, и к самостоятельной жизни *здесь*.

Она все поняла. И даже не обиделась. Ей, стыдно признаться, стало легче. Даже просто совсем легко. Просто — камень с души. И глубокий вздох облегчения. Ведь было страшно *так* ломать свою жизнь — и не только свою, а всех своих близких. Да и вообще, при принятии судьбоносных решений не много героев. И она, как оказалось, тот еще герой. Пусть все считают наоборот, но она-то знает себе цену. А дальше он опять писал, что любит ее и что скучает, конечно, в общем, все как обычно. Но это уже не было так актуально.

Больше она ему не писала. Вслед тому письму он еще написал два последних — коротких и каких-то смущенных. Спрашивал, в чем дело. Грустно шутил, что она нашла ему замену. Но сам был умен — все понял.

А через год она вышла замуж. По любви, между прочим. Через два года родила сына, а еще через три — второго. Всяко, конечно, в их жизни бывало — но брак все же сложился. Крепкий, вполне дружественный, партнерский брак. Муж позволил ей сделать карьеру, и она всегда это помнила. К тому же отец он был чудесный — мальчишки его обожали. Купили квартиру, машину. Построили дачу. Ездили в отпуск. Она написала кандидатскую. Получала чуть больше мужа, но хватало ума расставить все грамотно, без обид. Домашнюю работу в основном делал муж, давая ей возможность писать вечерами в спальне свои доклады, рецензии, статьи. У него тоже хватило ума задвинуть свои амбиции и гордиться женой. За все эти годы они приспособились друг к другу, притерлись. Знали все выбоинки друг друга, все впадины, кочки и буераки. Словом, стали одним целым. Монолитом. Крепостью. Попробуйте, троньте! Фиг выйдет! Вместе мы — сила! У них правда была хорошая, крепкая семья.

На конференцию в Нью-Йорк она попала в самом начале нового столетия. Тогда все приурочивалось к гладкому и волнительному слову «миллениум». Нет, она много ездила и до то-

го — вся Европа, Китай и даже Австралия. Ее статьи печатали крупнейшие научные журналы. Ее любили приглашать в президиумы, еще бы — совсем молодая женщина, известный ученый и к тому же еще и хороша собой. А вот в Америку попала тогда впервые.

Накануне в аэропорту она сильно подвернула ногу — дура, идиотка, надо же было выпендриться на двенадцатисантиметровых каблучках. Теперь придется мучиться, сама виновата. Поселили их на Манхэттене, на Парк-авеню, в Waldorf Astoria — отеле, где останавливаются президенты. После ужина, обязательного мероприятия, она, уставшая, с больной ногой, села в кресло под торшером, достала из сумки записную книжку и набрала его номер.

Конечно, у нее был его номер — столько общих знакомых. Она кое-что знала о нем, пунктиром — женился, развелся, опять женился, есть дочь. Карьера состоялась, хотя все от него ждали большего. Живет в пригороде, в своем доме, разумеется. У кого в Америке нет своего дома!

Он узнал ее сразу:

— Вика, ты?! Ты здесь, в городе! На сколько? Так мало? Господи, когда мы увидимся? — Он был смущен и точно — рад.

Она ответила, что завтра у нее свободный вечер. Только завтра, и то — пару часов. Она назвала ему свой отель, и он присвистнул:

— Ого! Ты даешь, девочка!

— Да брось, — ответила она. — Все эти понты уже не для нашего возраста.

Они посмеялись.

Вечером следующего дня, в восемь по Нью-Йорку, она вышла в холл отеля. Юбка, пиджак, лодочки на каблуках, ухоженное лицо, маникюр, прекрасная стрижка. Интересная, дорогая женщина сорока лет. Мать двоих детей. Известный ученый. В общем, жизнь удалась. Правда, слегка расстроилась, глядя в зеркало: и морщинки под глазами, и лишний вес — увы, увы. Узнали они друг друга сразу. Он поднялся из кресла и пошел ей навстречу. Она успокоилась: его тоже жизнь потрепала — и пузцо наметилось, и лысина просвечивает.

Он подошел к ней:

— Прекрасно выглядишь.

Она махнула рукой.

Они зашли в маленькое кафе — три столика справа от лобби. Заказали кофе и коньяк. Разговор не клеился. Она взяла инициативу в свои руки. Больше говорила сама — в основном о командировке, о своем докладе. Потом коротко — о детях, муже, родителях. Дача, квартира, машина. Отпуск в Греции. Вспомнили старых друзей и с удовольствием посплетничали.

— Ну а ты? — спросила она.

Он пожал плечами:

— Всяко бывало. Разно. Был бизнес — потерял. Потом поднялся, с большим, надо сказать, трудом. Первый брак оказался неудачным —